не выражено въ числахъ, публика обыкновенно за статистику не признаетъ. Спеціалистъ-же весьма часто искренно убѣжденъ, что подведя итоги, приведя все въ стройные ряды процентныхъ отношеній, установивши наконецъ количественныя отношенія зависимости явленій, онъ можетъ считать свою задачу законченною, что требовать отъ него больше и нельзя. Самой-же публикѣ предоставляетъ онъ трудъ дѣлать изъ своихъ таблицъ и процентныхъ отношеній какіе ей угодно выводы и заключенія. На всѣ вопросы дня, требующіе размышленія, сужденія, отвѣта, онъ считаетъ себя вправѣ отмалчиваться, уходя въ замкнутое недосягаемое положеніе «не тронь меня»!

Впрочемъ, кто знаетъ: можетъ быть спеціалистъ-то и правъ, и больше того, что онъ намъ даетъ, мы въ самомъ дѣлѣ отъ него и требовать не вправѣ?

Присмотримся къ дѣлу поближе.

Что означаетъ цифра въ статистикѣ?

Явленіе, приведенное въ опредѣленныя рамки, измѣренное—по возможности—точно.

Орудіемъ для измѣренія общественныхъ явленій (въ смыслѣ сложной системы способовъ и пріемовъ) служитъ статистика, какъ «МЕТОДЪ».

Статистика, какъ методъ, придумываетъ способы внести въ кругъ изслѣдованія всю совокупность общественныхъ явленій: общественный строй, со всѣми его явленіями, разлагается на элементы; каждый изъ элементовъ, со всѣми явленіями въ его сферѣ, дѣлается предметомъ описи, оцѣнки и измѣренія; дальнѣйшее разложеніе продолжается, пока возможно, въ сферѣ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ союзъ, съ тѣми-же пріемами описи, оцѣнки, измѣренія, съ конечною цѣлью представить «каждое» изъ явленій въ опредѣленной формулѣ, выраженной числомъ (количество, оцѣнка).

Отмѣтимъ особенность: статистическое наблюденіе относится обыкновенно къ одному только явленію. Слѣдовательно, матеріалъ относится также къ отдѣльнымъ только явленіямъ; а въ концѣ концовъ получается статистика каждаго отдѣльнаго явленія.

Сводомъ и накопленіемъ статистическаго матеріала заканчивается первая серія статистическихъ работъ. Трудъ громадный, заслуживающій полнаго вниманія и всякой похвалы!

Впрочемъ, пока не обнародованъ—матеріалъ для публики какъ-бы не существуетъ. Обнародованіе матеріала есть самъ по себѣ шагъ въ развитіи статистики. Матеріалъ дѣлается общедоступнымъ для справокъ и для разработки.

Съ накопленіемъ матеріала и его обнародованіемъ дѣлается возможнымъ до извѣстной степени разъясненіе положенія дѣлъ; но возможность не есть еще—самое разъясненіе. Оно все-таки еще впереди.

Матеріалъ и его освѣщеніе—не одно и тоже.

Находятся иногда «спеціалисты», которые заботятся дать матеріалу систематическую форму. Явленія нанизываются въ извѣстномъ порядкѣ на болѣе или менѣе крѣпкую нитку.

Этотъ (ad libitum) систематизированный матеріалъ выдается иногда за послѣднее слово статистики.

Публика до нѣкоторой степени удовлетворена. Но ее охватываетъ въ тоже время недоумѣніе: что дѣлать ей съ таблицами, съ фоліантами (обыкновенно рѣдкими и мало доступными), въ которыхъ она еще и читать не умѣетъ, за недостаткомъ опытности или навыка? что дѣлать ей съ систематическими сборниками, которые безъ руководящаго обзора во введеніи также не могутъ имѣть для нея особеннаго значенія?

Она инстинктивно чувствуетъ, что дальнѣйшая разработка необходима, но въ какомъ направленіи—указать не въ состояніи.—Смутно представляется ей, что форма «доклада» подходила-бы ближе всего къ цѣли. Весь статистическій матеріалъ (таблицы, фоліанты, сборники) пошелъ-бы въ такомъ случаѣ въ «приложенія» къ докладу.—Но у нея самой нѣтъ ни времени, ни досуга, а можетъ быть и охоты заняться такимъ дѣломъ. Нельзя-же бросить каждому свои текущія дѣла. Ее начинаетъ тяготить embarras des richesses.

Взоры публики, по прежнему, обращены на «спеціалистовъ». Отъ нихъ она ждетъ еще чего-то. Но опредѣленной формулы, въ которой мысль и желанія ея нашли-бы свое выраженіе, у нея нѣтъ.

Впрочемъ, дѣло это и для самихъ «спеціалистовъ» представляется не совершенно яснымъ.

Полагаютъ обыкновенно, что дальнѣйшая разработка статистическаго матеріала можетъ совершаться только въ одномъ направленіи, т. е. имѣя въ виду—уясненіе природы общественныхъ явленій, посредствомъ открытія причинной зависимости однихъ явленій отъ другихъ.

Это задача статистики—**НАУКИ**.

Предъ наукою открылись архивы, мало доступные для публики,—съ наукою фоліанты сгустились въ немногія формулы, статистическій матеріалъ получилъ новую цѣнность.

Научная разработка матеріала подвинула далеко впередъ развитіе задачи статистики. Пріемъ, къ которому въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ, состоитъ въ сравненіи между собою однородныхъ явленій въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время, при разныхъ условіяхъ ихъ возникновенія, для вывода заключеній о ихъ природѣ. По этому пріему статистику называютъ еще и сравнительною.

Кажется, однако, что статистика, какъ наука, дошла уже до предѣловъ, которыхъ переступить не можетъ, такъ какъ предѣлы эти находятся въ самой природѣ вещей.

Наука успѣла открыть законообразность въ мірѣ общественныхъ явленій,—правильность въ чередованіи и возникновеніи однѣхъ и тѣхъ-же явленій.

Но пространство и время, представляющія конкретныя очертанія для явленій, исчезаютъ въ выводахъ науки, такъ какъ она имѣетъ въ виду- не самыя явленія въ пространствѣ и времени, а «законы» явленій.

Ей мы обязаны положеніемъ, что «законъ» явленій можетъ быть выясненъ только при наблюденіи большаго числа случаевъ. Чѣмъ большее число случаевъ наблюдалось и вошло затѣмъ въ колбу, въ которой наука превращаетъ конкретное въ абстрактъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что понятъ законъ явленій, бывшихъ предметомъ наблюденія.

Отсюда слѣдуетъ, что мы никогда не можемъ быть увѣрены въ томъ, что наша работа закончена, что законъ дѣйствительно открытъ (хотя бы и для большаго числа случаевъ). Нѣсколько новыхъ случаевъ могутъ опрокинуть зданіе, построенное съ большимъ трудомъ, и привести насъ къ новымъ заключеніямъ, надъ которыми тяготѣетъ та-же участь. Такимъ образомъ развивается въ безконечное область нашихъ колебаній и сомнѣній.

Какъ она теперь существуетъ, наука-статистика не имѣетъ органическаго единства. Она есть ни болѣе, ни менѣе, какъ аггрегатъ изслѣдованій о такихъ явленіяхъ, для которыхъ уже подысканы вѣроятные законы. Но въ нее не вошло ничего изъ того матеріала, разработка котораго еще на очереди.

Что-же выходитъ?

Отъ статистики ждали—хотя и смутно—объясненія текущихъ явленій дѣйствительной жизни, какъ они представлялись наблюденію въ данную минуту, въ опредѣленномъ мѣстѣ. Самое объясненіе—по предположенію—должно было касаться дѣйствительнаго положенія вещей.

А статистика, какъ наука, поставила себѣ цѣлью—объясненіе «природы» явленій вообще, независимо отъ мѣста и времени, хотя и на основаніи фактовъ реальной жизни.

Наука-статистика—гордость и слава XIX вѣка—не оказывается на уровнѣ своего призванія передъ насущными запросами дѣйствительной жизни.

Статистика, какъ наука, оказывается безсильною—отражать въ себѣ общее движеніе жизни, и въ этомъ смыслѣ руководить ея ходомъ. Она мало удовлетворяетъ реальнымъ требованіямъ публики. Отъ статистики ожидали—не отвлеченныхъ заключеній анализирующаго ума, а свѣта на теченіе жизни, отвѣта на текущіе запросы дня.

Сѣтованія на то, что нѣтъ у насъ статистики, раздаются по прежнему.

Дѣйствительно, наука не можетъ удовлетворить только что объясненнымъ требованіямъ. Но это—и не ея дѣло. Практическая ея задача обозначена опредѣленно: развить силы анализирующаго ума на столько, чтобы онъ имѣлъ возможность и сознавать, и находить причинную связь явленій.

Остается одно: возвратиться назадъ, и—воспользовавшись всѣми драгоцѣнными пріобрѣтеніями науки—сдѣлать шагъ въ другомъ направленіи—въ область искусства.

Этотъ шагъ нужно сдѣлать непремѣнно, чтобы встрѣтиться съ тѣми ожиданіями, которыя возлагались на статистику, и достигнуть цѣли которая имѣлась собственно въ виду при самомъ началѣ работъ. Нужно возстановить органическую связь, существующую въ дѣйствительности между разрозненными, повидимому, явленіями жизни. Это возможно только—въ общей картинѣ тѣхъ-же явленій, которыя разчленяла наука, подъискивая для нихъ законы.

Статистика должна-же наконецъ представить изображеніе дѣйствительныхъ явленій общественной жизни въ данное время, въ данномъ мѣстѣ, причемъ слѣдовало-бы позаботиться о томъ, чтобы каждое явленіе сохранило свои характеристическія особенности, а въ общей связи явленій получило надлежащее мѣсто по своему удѣльному вѣсу.

Это задача статистики—ИСКУССТВА.

Какъ искусство, статистика подчиняется только правиламъ, обязательнымъ для искусства, т.-е. законамъ перспективы, симметріи и гармоніи.

Картина можетъ быть нарисована и по личнымъ впечатлѣніямъ, которыя отразились въ фантазіи художника, или пережиты имъ вмѣстѣ со всѣми его современниками,—и послѣ перваго свода статистическаго матеріала,—и послѣ открытій, сдѣланныхъ наукою.

Поэтому статистика, какъ искусство, не есть—собственно говоря—дополненіе къ наукѣ. Напротивъ того: какъ только собранъ матеріалъ, то дальнѣйшая его разработка можетъ идти по двумъ направленіямъ, которыя параллельны. Одинъ и тотъ-же матеріалъ можетъ получить двойное теченіе—или въ область науки, или область искусства.

Научная обработка есть собственно уклоненіе статистики отъ широкаго простора практической дѣятельности, въ виду цѣлей науки. Статистика-искусство ставитъ для себя житейскую цѣль,—ту именно цѣль, для которой собственно и организуется всякая статистическая коллективная работа.

Статистикъ-художникъ не стѣсненъ выборомъ сюжета и размѣрами явленій. Картины его могутъ быть и большія и малыя,—касаться не всѣхъ сторонъ жизни, а только нѣкоторыхъ. Но одному условію удовлетворить онъ долженъ: картины его должны быть вѣрны дѣйствительности.

Вѣрность дѣйствительности опредѣляется столь-же глубокимъ изученіемъ явленій, какъ и чутьемъ художника.

Вмѣсто сомнѣній какія заѣдаютъ науку, художникъ можетъ привести въ свое оправданіе только три слова: «мнѣ такъ кажется». И это «кажется» имѣетъ такой-же вѣсъ, какъ и выводъ науки: мы можемъ быть правы, дѣлая наше заключеніе, а можетъ быть—и нѣтъ».

Картины художника—какъ общее достояніе—контролируются самою публикою, для чего она всегда болѣе или менѣе подготовлена и практическою опытностію и личнымъ участіемъ въ интересахъ жизни.

Отъ нея ждетъ оцѣнки своей работы художникъ. Между нимъ и публикою есть сердечная связь. Мнѣніе публики для него не без-